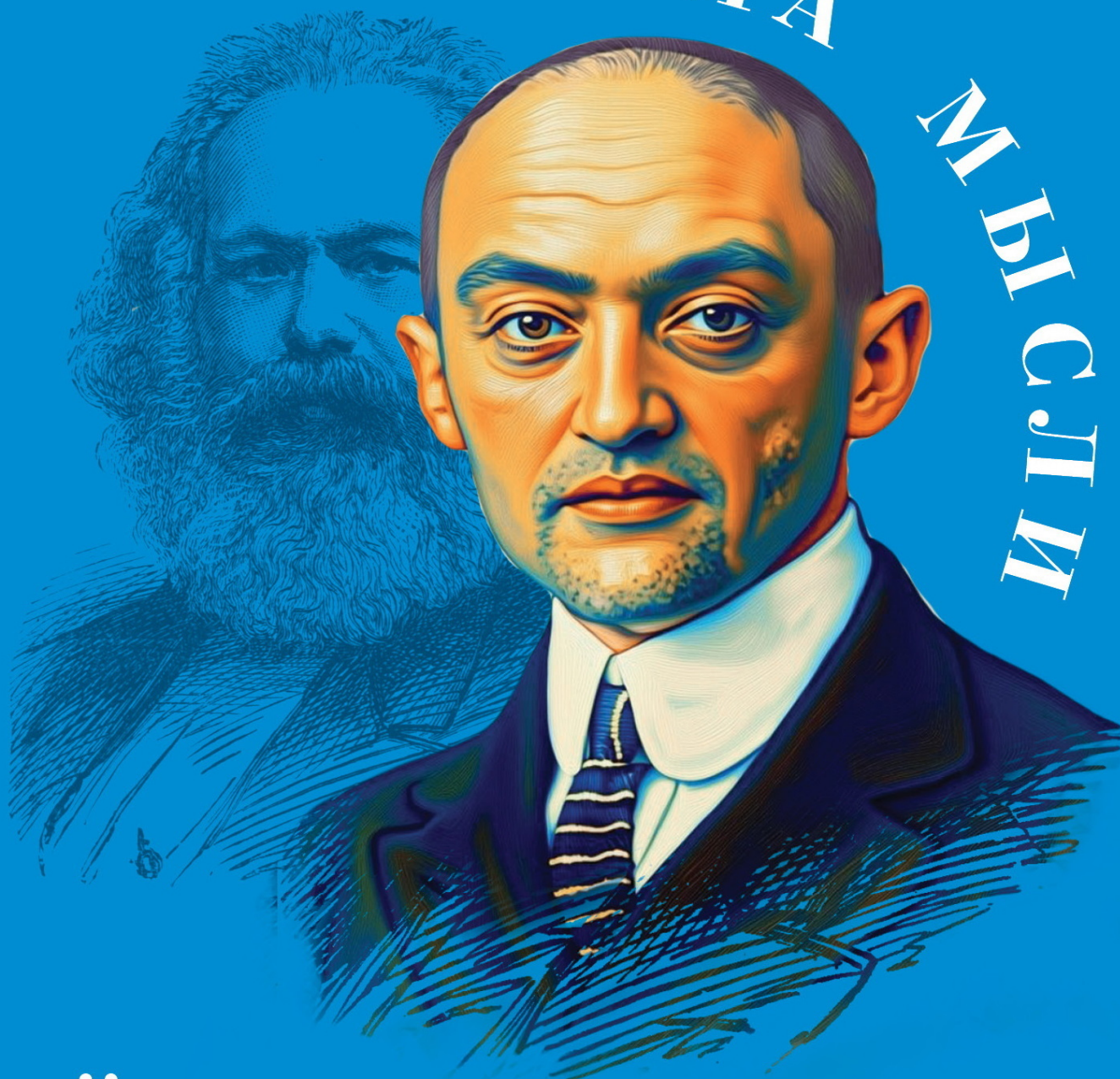

СИЛА

МЫСЛИ

ЙОЗЕФ
ШУМПЕТЕР
КАПИТАЛ

БЫЛ ЛИ МАРКС ПРОРОКОМ?

Сила мысли

Йозеф Шумпетер

Капитал. Был ли Маркс пророком?

«Алисторус»

1942-1951

УДК 316.323.6
ББК 60.033.22

Шумпетер Й. А.

Капитал. Был ли Маркс пророком? / Й. А. Шумпетер —
«Алисторус», 1942-1951 — (Сила мысли)

ISBN 978-5-00269-266-8

Йозеф Шумпетер (1883-1950) - австрийский и американский экономист, политолог, социолог и историк - принадлежал одновременно к числу горячих приверженцев и яростных критиков марксизма. Он считал, что Маркс - один из величайших мыслителей в истории, но и совершил - причем, часто сознательно, - существенные ошибки в показе политики, экономики и общественных отношений при капитализме. В своих работах Шумпетер просто, ясно и доходчиво показывает это, выдвигая и собственную теорию развития капиталистической цивилизации. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 316.323.6
ББК 60.033.22

ISBN 978-5-00269-266-8

© Шумпетер Й. А., 1942-1951
© Алисторус, 1942-1951

Содержание

Капиталистическая цивилизация[1]	7
Марксистская доктрина	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Йозеф Алоиз Шумпетер Капитал. Был ли Маркс пророком?

Серия «Сила мысли»

© Автономова В. С., перевод, 2026.
© ООО «Издательство Родина», 2026.

Дом, в котором родился Й. Шумпетер.

Йозеф Шумпетер родился 8 февраля 1883 года в небольшом городке Триешть в Моравии, которая на тот момент входила в состав Австро-Венгерской империи. Семья была немецкой, однако обе бабушки Шумпетера, а также некоторые другие предки по женской линии имели чешское происхождение. Отец Йозефа, также Йозеф, владел небольшой фабрикой по производству тканей; мать – Иоганна Грюмер – была дочерью врача.

Капиталистическая цивилизация¹

Пятьдесят тысяч лет тому назад человек относился к опасностям и возможностям, заключенным в окружающем мире, примерно так, как, по мнению некоторых специалистов по истории древнего мира, социологов и этнографов, к ним относятся представители современных первобытных племен. Для нас особенно важны два элемента этой установки: 1) «коллективная» и «аффективная» природа первобытного мыслительного процесса и 2) роль того, что я, возможно, не совсем правильно буду называть «магией»; эти два элемента частично пересекаются между собой.

Под первым элементом я понимаю то, что в небольших и недифференцированных или слабо дифференцированных социальных группах коллективные идеи овладевают индивидуальным разумом гораздо прочнее, чем это происходит в больших и сложных группах, и что методы, на основе которых первобытный человек делает выводы или принимает решения, можно охарактеризовать от противного: их отличает несоблюдение того, что мы называем логикой, и в частности требования непротиворечивости.

Под вторым элементом я понимаю опору на некоторую совокупность верований, которые, впрочем, не вполне оторваны от жизненного опыта, ведь никакая магия не переживет непрерывной цепи неудач, но включают в цепь наблюдаемых явлений такие сущности или влияния, источником которых опыт не является. На сходство такого рода мыслительного процесса с мышлением неврастеников указывал Г. Дромар (G. Dromar, 1911; особенно красноречив введенный им термин *delire d'interpretation* – «горячка интерпретации») и З. Фрейд (*Totem und Tabu*, 1913).

Но отсюда вовсе не следует, что это не свойственно мышлению нормального человека нашего времени. Наоборот, любая политическая дискуссия наглядно демонстрирует, что немалая, а судя по результатам – и большая часть наших собственных мыслительных процессов именно такой природой и обладает.

Таким образом, рациональное мышление или поведение и рационалистическая цивилизация вовсе не означают, что упомянутые критерии перестают действовать, а означает лишь медленное, хотя и непрестанное, расширение того сектора общественной жизни, в рамках которого отдельные люди или группы людей реагируют на сложившиеся обстоятельства: во-первых, пытаясь в меру собственного разума по возможности обернуть эти обстоятельства себе на пользу; во-вторых, опираясь при этом на те правила непротиворечивости, которые мы именуем логикой; и в-третьих, делая это исходя из постулатов, удовлетворяющих двум условиям: число таких правил должно быть минимальным, и каждое из них должно в принципе выражаться в терминах потенциального опыта [Эта кантианская формулировка выбрана специально, чтобы заранее предупредить напрашивающиеся возражения.].

* * *

Все это, конечно, весьма абстрактно, но с точки зрения нашей задачи этого достаточно. Впрочем, есть еще один момент, касающийся понятия рационалистических цивилизаций, на котором я хотел бы здесь остановиться, поскольку в дальнейшем мне придется на него ссылаться. Если привычка рационального анализа повседневных ситуаций и привычка рационального поведения в этих ситуациях утвердилась достаточно прочно, она оборачивается против

¹ Здесь и далее из книги Й. Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия».

коллективных идей, подвергает их критике и в определенной мере «рационализирует» их, ставя такие вопросы: зачем нужны короли и попы, десятина и собственность?

Кстати, важно заметить, что, хотя большинство из нас склонно считать, что подобная установка есть признак более «высокой ступени» умственного развития, подобное оценочное суждение не обязательно и не во всех отношениях подтверждается практикой. Рационалистическая установка может быть претворена в жизнь путем использования настолько неадекватных методов и информации, что вызванные ею действия – и особенно связанная с нею склонность к поиску радикальных решений – позднему наблюдателю покажутся даже с чисто интеллектуальной точки зрения низшими по сравнению со склонностью избегать радикального вмешательства, связанной с установкой, которая когда-то ассоциировалась с низким коэффициентом умственного развития.

Общественно-политическая мысль XVII и XVIII вв. во многом служит наглядным подтверждением этой забытой истины. Не только по глубине социального видения, но также и с точки зрения логического анализа позднейший «консервативный» – контркритицизм, несомненно, представлял собой значительный шаг вперед, хотя для авторов эпохи Просвещения его положения могли бы послужить лишь поводом для насмешек.

Рациональная установка утвердилось, по-видимому, в первую очередь в силу экономической необходимости; именно каждодневному решению экономических задач обязано человечество как вид своей начальной подготовке в области рационального мышления и поведения – не побоюсь сказать, что вся логика строится по образцу экономических решений или, если воспользоваться моей любимой формулировкой, что экономические образцы образуют матрицу логики.

Это представляется мне правдоподобным по следующей причине. Предположим, что некий «первобытный» человек использует простейшую из всех машин, которую по достоинству оценила даже наша кузина-горилла, а именно – палку, и что эта палка у него в руках сломалась. Если он будет пытаться поправить дело с помощью магического заклинания, – например, бормотать: «Спрос и предложение!» или «Планирование и контроль!», думая, что если повторить это заклинание ровно девять раз, то обломки вновь срастутся, – значит, он находится во власти дорационального мышления.

Если он постарается найти наилучший способ соединить обломки или просто возьмет новую палку, его поведение будет рациональным в нашем понимании.

Конечно, обе установки возможны. Но само собой разумеется, что в этом, как и в любых других экономических действиях, бесполезность магических заклинаний будет гораздо более очевидной, чем если бы эти заклинания имели целью добыть победу в бою, принести счастье в любви или спясть грех с души.

Объясняется это неумолимой определенностью и тем преимущественно количественным характером, который отличает экономическую область от всех других областей человеческой деятельности, а возможно – и бесстрастным однообразием нескончаемого ритма экономических потребностей и их удовлетворения. Как только рациональность входит в привычку, она начинает распространяться под педагогическим влиянием положительного опыта и на другие области, и там она также заставляет человека открыть глаза на эту удивительную вещь – факт.

* * *

Этот процесс независим от каких бы то ни было конкретных форм, в том числе капиталистических, которые может при этом принимать экономическая деятельность. То же можно сказать и о стремлении к наживе, и о преследовании собственных интересов. Докапиталистический человек на самом деле был не меньший «хват», чем человек капиталистический.

Крепостные, например, или феодалы-военачальники тоже утверждали свои интересы грубой силой, хотя о капитализме в те времена еще не слыхали. Однако капитализм развивает рациональность и добавляет к ней новую грань, причем делает это двумя взаимосвязанными путями.

Во-первых, он возвышает денежную единицу, которая сама по себе изобретением капитализма не является, до единицы учета. Иными словами, капиталистическая практика превращает деньги в инструмент рациональной калькуляции прибыли и издержек, над которой монументом высится бухгалтерский учет по методу двойной записи.

Не углубляясь в этот вопрос, заметим, что, изначально представляя собой продукт эволюции экономической рациональности, расчет прибылей и издержек в свою очередь оказывает обратное воздействие на эту рациональность; постепенно совершенствуясь и беря на вооружение количественные категории, он мощно продвигает вперед логику предпринимательства.

Когда эта логика, метод или установка достигает определенного уровня развития, или квалифицированности, применительно к экономической области, она начинает распространяться дальше, подчиняя себе, т. е. рационализируя, орудия труда человека и его представления, приемы врачевания, картину мироздания, взгляды на жизнь – рационализируя все, включая его идеалы красоты, справедливости и духовные запросы.

В этой связи большое значение имеет тот факт, что современная математически-экспериментальная наука развивалась в XV, XVI и XVII вв. не только параллельно тому социальному процессу, который обычно именуется «становлением капитализма», но также и за пределами твердыни схоластических учений, идя наперекор их надменной враждебности. В XV в. математика занималась в основном вопросами коммерческой арифметики и архитектурными расчетами. У истоков современной физики стояли утилитарные механические устройства, изобретенные людьми ремесленного склада. Грубый индивидуализм Галилея был индивидуализмом поднимающегося класса капиталистов.

Профессия врача начала выделяться из ремесла повитух и цирюльников. Художник, который одновременно выступал и как инженер, и как предприниматель, – человеческий тип, вошедший в историю благодаря таким личностям, как Да Винчи, Альберти, Челлини; даже Дюрер находил время разрабатывать планы фортификационных сооружений – лучше всего иллюстрирует мою мысль.

Подвергая все это анафеме, схоластические профессора из итальянских университетов обнаруживали куда больший здравый смысл, чем принято считать. Дело было не в отдельных неортодоксальных утверждениях. Можно не сомневаться, что всякий порядочный схоластик без особого труда смог бы так подчистить свои трактаты, чтобы они полностью укладывались в систему Коперника. Но эти профессора безошибочно уловили дух, питавший подобные свершения, – то был дух рационального индивидуализма, дух, порождаемый становлением капитализма.

* * *

Во-вторых, становление капитализма сформировало не только особый склад ума, характерный для современной науки, который предполагает постановку определенных вопросов и использование определенных подходов к поиску ответов на эти вопросы, оно создало также новых людей и новые средства. Разрушая феодальный уклад и нарушая интеллектуальный покой феодального поместья и деревни (хотя, конечно, для споров и распрей даже в монастырях поводов всегда хватало), и главное – создавая социальное пространство для нового класса, который опирался на индивидуальные достижения в экономической области, оно в свою очередь привлекало к этой области людей сильной воли и мощного интеллекта.

Докапиталистический уклад не оставлял простора для достижений, которые позволяли бы преодолевать классовые барьеры, т. е. давали бы возможность занять социальное положение, сравнимое с тем, которое занимали представители правящих классов. Это не означает, что возможность пробиться наверх вообще исключалась [Мы склонны считать социальную структуру средневековья слишком статичной или жесткой. На самом же деле в ней имела место непрерывная, выражаясь словами Парето, *circulation des aristocraties* (ротация аристократии). Например, кланы, составлявшие социальную верхушку в X веке, к началу XVI века практически сошли со сцены.]. Однако деятельность на поприще бизнеса, вообще говоря, считалась занятием низших классов, – даже если речь шла о тех, кому удавалось пробиться к вершине успеха в рамках ремесленных гильдий, – и не давала возможности вырваться из своего сословия.

Главные пути, обещающие продвижение по социальной лестнице и приличный достаток, пролегали через церковь – причем в средние века этот путь был почти так же доступен, как и сейчас, – да, пожалуй, еще через канцелярии крупных землевладельцев и военную службу. Эти возможности были вполне доступны всякому физически и психически здоровому человеку примерно до середины XII в., да и позже не были полностью перекрыты. Но лишь тогда, когда капиталистическое предпринимательство – сперва в области торговли и финансов, затем в области горнодобычи и, наконец, в промышленности – показало, какие оно сулит перспективы, особо одаренные и дерзновенные личности стали наконец обращаться к бизнесу, увидев в нем третий путь. Успех был скорым и впечатляющим, но то общественное положение, которое он приносил, на первых порах вовсе не было столь значительным, как принято считать.

Если внимательно присмотреться к карьере Якоба Фуггера, например, или Агостино Чиджи, нам не составит труда убедиться, что они не оказывали никакого влияния на ту политику, которую проводил Карл V или Лев X, и что те привилегии, которыми они пользовались, обошлись им недешево.

Семейство Медичи не является исключением. Ведь хотя их богатство помогло им приобрести контроль над Флорентийской республикой, именно этот контроль, а не само по себе богатство объясняет ту роль, которую играла эта семья. Во всяком случае, это единственная купеческая семья, которой удалось встать вровень с верхушкой феодальной знати. Настоящие исключения мы находим лишь там, где капиталистическая эволюция создала соответствующую среду или полностью разрушила феодальный уклад, например, в Венеции и Нидерландах.

Тем не менее, предпринимательский успех оказался достаточно заманчивым, чтобы привлечь в сферу бизнеса талантливейших людей из всех слоев общества, за исключением разве что феодальной верхушки, а это породило дальнейший успех, который добавил пару рационалистическому двигателю. Так что в этом смысле именно капитализм – а не просто экономическая деятельность вообще – был в конечном итоге движущей силой рационализации человеческого поведения.

Здесь мы наконец-то подходим к нашей непосредственной цели, ради которой и велись все эти сложные, хотя и недостаточно адекватные сложности вопроса рассуждения. Не только современные механизированные заводы и вся продукция, которую они выдают, не только современная технология и экономическая организация, но все характерные черты и достижения современной цивилизации являются прямо или косвенно продуктами капиталистического процесса, и потому должны приниматься во внимание при подведении баланса заслуг и пороков капитализма и вынесении приговора этому строю.

В ряду этих достижений стоят и успехи рациональной науки, и длинный список ее прикладных результатов. Самолеты, холодильники, телевидение и тому подобное являются общепризнанными плодами экономики, ориентированной на извлечение прибыли. Но и современная больница, хотя она, как правило, работает не ради прибыли, является, тем не менее, продуктом капитализма, и не только, повторяю, потому, что капиталистический процесс

создает для нее средства и стимулы, но главным образом потому, что именно капиталистическая рациональность породила тот склад ума, благодаря которому были созданы методы лечения, используемые в современных больницах. И победы над раком, сифилисом и туберкулезом – пусть даже не окончательные, пусть только маячащие на горизонте – должны по праву считаться достижениями капитализма наравне с автомобилями, трубопроводами и бессемерной сталью.

Если говорить о медицине, то за используемыми ею методами стоит капиталистическая профессия, капиталистическая как потому, что в значительной мере медицина работает в духе бизнеса, так и потому, что ее представители являют собой сплав промышленной и коммерческой буржуазии. Но даже если бы это было не так, современная медицина и гигиена все равно были бы побочными продуктами капиталистического процесса, такими же, как и современная система образования. В том же ряду стоят и капиталистическое искусство, и капиталистический стиль жизни.

И наконец, существует еще все то, что можно объединить вокруг гладстоновского либерализма, поместив его в центр символической композиции. Термин «индивидуалистическая демократия» подошел бы не хуже, а, возможно, и лучше, поскольку мы хотели бы охватить им некоторые вещи, которые Гладстон не одобрил бы, а также моральную и духовную установку, которую он сам, обитая в цитадели веры, на самом деле ненавидел.

* * *

На этом можно было бы поставить точку, если бы литургия радикалов не состояла бы главным образом из цветистых отречений от того, что я хотел бы сказать. Радикалы могут сколько угодно твердить, что народные массы вопиют о спасении от невыносимых мук и потрясают своими цепями в темноте и отчаянии, но, конечно, никогда не было так много личной свободы духа и тела для всех, никогда еще господствующий класс не проявлял такой готовности не только мириться со своими смертельными врагами, но даже и финансировать их, никогда не было столько живого сочувствия к подлинным и надуманным страданиям, столько готовности взять на себя тяжелую ношу, сколько в современном капиталистическом обществе, и вся демократия, какую только знало человечество, если не считать демократии крестьянских общин, исторически возникла на заре как современного, так и античного капитализма.

Конечно, и здесь можно было бы при желании привести множество исторических фактов, свидетельствующих об обратном, и все подобные контраргументы были бы совершенно справедливы, но несущественны при обсуждении современных условий и будущих альтернатив [Даже Маркс, во времена которого подобные обвинения не казались столь абсурдными, как в наши дни, все же считал, как видно, необходимым подкреплять свою позицию ссылками на условия, которые уже тогда либо отошли, либо, несомненно, отходили в прошлое.].

Если мы все же решимся пуститься в исторический экскурс, то многие из тех фактов, которые радикальным критикам показались бы самыми подходящими для их цели, часто будут выглядеть совсем иначе, если сравнивать их с соответствующими фактами докапиталистической эпохи. И нельзя возразить, что «времена, мол, тогда были другими», поскольку именно капиталистический процесс заставил их измениться.

Здесь особо следует упомянуть два момента. Во-первых, как я уже говорил, социальное законодательство или, в более общем смысле, институциональные изменения на благо народных масс – это не просто нечто такое, что было навязано капиталистическому обществу неизбежной необходимостью облегчить все более углубляющиеся страдания бедняков; на самом деле, помимо повышения уровня жизни масс благодаря своим побочным эффектам, капиталистический процесс обеспечил и средства, и «волю» к достижению этих перемен.

Слово, взятое в кавычки, требует дальнейшего объяснения, и объяснение это заключается в принципе распространения рациональности. Капиталистический процесс рационализирует поведение и идеи и благодаря этому изгоняет из наших голов как метафизические верования, так и всякого рода мистические и романтические идеи. Это преобразует не только методы достижения целей, но и сами эти конечные цели.

«Свободомыслие», понимаемое как материалистический монизм, атеизм и прагматическое восприятие земного мира вытекают из этой рационалистической установки пусть не в силу логической необходимости, но тем не менее совершенно естественным образом. С одной стороны, наше врожденное чувство долга, лишенное своей традиционной основы, сосредоточивается на утилитарных идеях о совершенствовании человечества, которым, как ни странно, удастся противостоять натиску рационалистической критики куда лучше, чем, скажем, идее богобоязненности. С другой стороны, та же рационализация душ срывает всю мишуру богданности с сословных делений, а уж это вкупе с типично капиталистическим преклонением перед самосовершенствованием и служением – понимаемыми совершенно в ином смысле, чем тот, который обычно вкладывали в эти слова средневековые рыцари, – формирует эту «волю» внутри самой буржуазии. Феминизм, явление преимущественно капиталистическое, иллюстрирует эту мысль еще более наглядно.

Читатель, конечно, понимает, что все эти тенденции следует понимать «объективно», и что поэтому никакие антифеминистские или антиреформистские разговоры или даже временная оппозиция по отношению к той или иной конкретной мере ничего не доказывают. Все эти вещи суть симптомы тех самых тенденций, с которыми они якобы борются.

Во-вторых, капиталистическая цивилизация является рационалистической и «антигероической». Эти свойства, конечно, являются взаимосвязанными. Успех в промышленности и торговле требует большой выносливости, и все же занятия промышленной или торговой деятельностью по существу лишены рыцарской героики, здесь не скрещиваются мечи, негде проявить физическую удаль, нет возможности врезаться на боевом коне в ряды врагов предпочтительно еретиков или язычников, и идеология, которая прославляет идею борьбы ради борьбы и победы ради победы, по понятным причинам увядает в кабинетной тиши среди бесчисленных столбцов цифр.

Таким образом, промышленная и торговая буржуазия, владеющая собственностью, на которую может покуситься разве только вор или сборщик налогов, и не только не разделяющая, но прямо отвергающая воинственную идеологию, которая идет вразрез с ее «рациональной» утилитарностью, в основе своей миролюбива и склонна настаивать на применении этических принципов частной жизни к международным отношениям.

Правда, подобно некоторым другим принципам капиталистической цивилизации, по отличие от их большинства, пацифизм и международная этика поддерживались также и в некапиталистических условиях, и докапиталистическими институтами, например Римской церковью в средние века. Тем не менее, современный пацифизм и современная международная этика являются продуктами капитализма.

Поскольку марксистская доктрина в особенности неомарксистская доктрина, и даже значительная часть несоциалистических учений относятся к этому утверждению резко отрицательно, необходимо подчеркнуть, что сказанное вовсе не отрицает того, что многие буржуа отчаянно боролись, защищая свой дом и очаг, и что почти чисто буржуазные города-республики часто становились агрессивными, когда это сулило выгоду, вспомним, например, Афины или Венецию, – а также того, что никакая буржуазия никогда не брезговала военной добычей или расширением возможностей для торговли путем завоеваний и никогда не противилась идеям воинствующего национализма, насаждаемым ее феодальными господами или вождями или пропагандируемым некими особо заинтересованными группами.

Все, что я хочу сказать, сводится к тому, что, во-первых, подобные случаи капиталистической воинственности не объясняются, в отличие от того, что утверждает по этому поводу марксизм, исключительно или главным образом классовыми интересами или классовой расстановкой сил, которая якобы систематически порождает капиталистические завоевательные войны; во-вторых, имеется различие между тем, когда человек делает то, что он считает основным делом своей жизни, к которому он готовит себя постоянно, которую является для него мерилom личного успеха или неудачи, и тем, когда человек занимается несвойственным ему делом, к которому не располагает ни его обычная работа, ни его менталитет и успех в котором увеличивает престижность самой небуржуазной из всех профессий; в-третьих, что это различие однозначно свидетельствует, как в международных, так и во внутренних делах, против использования военной силы и в пользу мирного урегулирования даже в тех случаях, когда материальные выгоды склоняют чашу весов в пользу войны, что в современных условиях, вообще говоря, не слишком вероятно.

На самом деле, чем более полно выражен капиталистический характер в структуре и менталитете нации, тем более эта нация миролюбива и тем более склонна задумываться о потерях, которые несет с собой война. Чтобы доказать это утверждение, нам потребовалось бы провести подробный исторический анализ, но буржуазное отношение к военным (регулярным вооруженным силам), характер буржуазных войн и методы их ведения, а также та готовность, с которой в любом серьезном случае затяжных военных действий буржуазия подчиняется небуржуазной власти, сами по себе являются убедительным доказательством.

* * *

Но я не собираюсь делать тот вывод, который, но всей вероятности, ждет от меня читатель. Иначе говоря, я не собираюсь просить его не увлекаться непроверенными теориями, выдвигаемыми непроверенными людьми, а лучше еще раз взглянуть на внушительные экономические и еще более внушительные культурные достижения капиталистического строя и на те необъятные перспективы, которые они сулят.

Я не собираюсь утверждать, что эти достижения и эти перспективы уже сами по себе есть достаточный аргумент в пользу того, чтобы дать капиталистическому процессу возможность развиваться дальше и снять, так сказать, бремя нищеты с плеч человечества.

В подобных призывах не было бы никакого смысла, даже если бы человечество обладало такой же свободой выбора, какой обладает бизнесмен, решающий, какой станок и у какого поставщика ему купить. Из тех фактов и отношений между фактами, которые я пытался изложить, не вытекает никакого определенного оценочного суждения.

Что касается экономических достижений, то их наличие в современном индустриальном обществе еще не означает, что люди стали «счастливее» или «богаче», чем в условиях средневекового поместья или деревни.

Что касается культурных достижений, то можно соглашаться с каждым сказанным мною словом, но все же всей душой ненавидеть эти достижения за их утилитарность и массовое разрушение заложенного в культуре смысла. Кроме того, важно учитывать не только эффективность капиталистического процесса с точки зрения создания экономических и культурных ценностей, но и участь тех людей, которых капитализм формирует, а затем бросает на произвол судьбы, предоставляя им полную свободу бездарно проматывать свою жизнь.

Есть радикалы, чьи обвинения в адрес капиталистической цивилизации не имеют под собой никакой другой опоры, кроме глупости, невежества и безответственности их авторов, не способных или не желающих понять самые очевидные вещи, не говоря уже о том, что за ними стоит. Однако обвинительный вердикт капитализму может быть вынесен и на более высоком уровне.

Впрочем, какими бы ни были ценностные суждения об эффективности капитализма – положительными или отрицательными, – особого интереса они не представляют. Дело в том, что человечество не свободно выбирать. И дело не только в том, что массы не способны рационально сравнивать альтернативы и всегда принимают на веру то, что им говорят. Тому существуют и гораздо более глубокие причины. Экономические и социальные процессы развиваются по собственной инерции, и возникающие в результате ситуации вынуждают отдельных людей и социальные группы вести себя определенным образом, хотя бы они того или не хотят, – вынуждают, разумеется, не путем лишения их свободы выбора, но путем формирования менталитета, ответственного за этот выбор, и путем сужения перечня возможностей, из которых этот выбор осуществляется.

Если квинтэссенция марксизма заключается именно в этом, тогда нам всем придется признать себя марксистами. А раз так, то эффективность капитализма вообще не играет роли, если речь идет о протезировании будущего капиталистической цивилизации. Ведь большинство цивилизаций исчезли, так и не успев полностью реализовать свой потенциал.

Марксистская доктрина

Порождения интеллекта или фантазии в большинстве случаев завершают свое существование в течение периода, который колеблется от часа послеобеденного отдыха до жизни целого поколения. Но с некоторыми этого не происходит. Они переживают упадок и вновь возвращаются, возвращаются не как неузнанные элементы культурного наследия, но в собственном индивидуальном облике, со своими особыми приметами, которые люди могут видеть и трогать. Их с полным основанием можно называть великими, никакого изъяна в этом определении, связывающем величие с жизнеспособностью, я не вижу.

В этом смысле это определение, несомненно, применимо к учению Маркса. Есть еще одно преимущество в определении величия способностью к возрождению: тем самым оно перестает зависеть от нашей любви или ненависти. Нам совсем не нужно верить, что великие открытия непременно должны быть источником света или не содержать ошибок в своих основах или деталях. Напротив, мы можем считать их воплощением тьмы; мы можем признавать их в корне неверными или не соглашаться с отдельными частностями. Что до Марксовой системы, то подобные отрицательные оценки и даже полное ее опровержение самой неспособностью нанести этой системе смертельный удар только свидетельствуют об ее силе.

В том, что великий вдохновитель социалистической идеи должен был обрести себя в Советской России, нет ничего удивительного. И чрезвычайно характерно, что в процессе происходящей канонизации между истинным значением Марксовой теории, с одной стороны, и большевистской практикой и идеологией – с другой, образуется пропасть такого же масштаба, как между религией жалких галилеян и идеологией и практикой князей в церкви или средневековых военачальников.

Другое явление – возрождение марксизма в США объяснить труднее. Этот феномен интересен тем, что вплоть до 20-х годов ни в американском рабочем движении, ни среди американских интеллектуалов не было сколько-нибудь серьезного марксистского движения. То, что здесь называлось марксизмом, всегда было искусственным, незначительным, не имело корней. Кроме того, большевистский тип возрождения марксизма вызвал отнюдь не одинаковые сдвиги в странах, прежде наиболее сильно приверженных марксизму.

Примечательно, что в Германии, которая из всех стран имела самую сильную марксистскую традицию, в течение послевоенного социалистического бума, как и в предшествующий период депрессии, продолжала существовать маленькая секта ортодоксов. Однако лидеры социалистической мысли (не только приверженцы Социал-демократической партии, но и те, кто в практических вопросах пошел гораздо дальше ее осторожного консерватизма) не обнаружили особого стремления к возврату к старым догмам и, проявляя уважение к своему боже-ству, сделали все, чтобы дистанцироваться от него, а экономические проблемы решали теми же способами, что и прочие экономисты. Следовательно, если не считать России, американский феномен остается уникальным.

Мы не собираемся выяснять его причины. Стоит сделать другое – рассмотреть общие черты и суть того учения, которое стало близким столь многим американцам [Ссылки на работы Маркса будут сведены к минимуму, никакие данные о его жизни также не даются. Видимо, в этом нет нужды, поскольку любой читатель, пожелавший ознакомиться со списком этих работ или с его жизнеописанием, найдет все необходимое в любом словаре, особенно в Британской энциклопедии или в Энциклопедии социальных наук. Изучение Маркса лучше всего начинать с первого тома «Капитала»].

* * *

В определенном смысле марксизм есть религия. Для верующего он предоставляет, во-первых, систему конечных целей, определяющих смысл жизни, и абсолютных критериев для оценки событий и действий; и, во-вторых, руководство к осуществлению целей, содержащее не только путь к спасению, но и определение того зла, от которого человечество или избранная часть человечества должна быть спасена. Можно добавить и следующее: марксистский социализм принадлежит к той разновидности религий, которая обещает рай уже при жизни.

Религиозные свойства марксизма объясняют и характер отношений ортодоксального марксиста к своим оппонентам. Для него, как и для всякого сторонника определенной Веры, оппонент не просто ошибается, он греховен. Инакомыслие осуждается не только с интеллектуальных позиций, но и с позиций морали. Раз провозглашено Учение, никакого оправдания для инакомыслия быть не может.

Чисто научные достижения, будь они даже намного более совершенными, чем у Маркса, никогда бы не обрели подобного исторического бессмертия. Этому не способствовал и весь арсенал его партийных лозунгов. Частично его успех, хотя и в очень небольшой степени, действительно обязан тому набору жарких фраз, страстных обвинений, гневных жестов, который он предоставил в распоряжение своей паствы и которые могут быть использованы с любой трибуны.

Все, что следует сказать по данному поводу, заключается в том, что указанное боевое снаряжение очень хорошо служило и служит своим целям, однако его производство породило и свои убытки: чтобы выковать подобное оружие социальной борьбы, Марксу временами приходилось приспосабливаться или даже отступать от тех концепций, которые логически вытекали из его теоретической системы. Однако если бы Маркс был простым поставщиком фразеологии, он был бы сегодня мертв. Человечество не благодарит за этот сорт услуг и быстро забывает имена людей, которые пишут либретто для политических опер.

Он был пророком, и для того, чтобы понять природу его системы, мы должны рассмотреть ее в контексте времени ее создания. Это была высшая точка самореализации буржуазии и низшая точка буржуазной цивилизации, время механистического материализма, время культурной среды, предававшейся самому пошлому разгулу, в то время как в ее недрах таились зародыши нового искусства и нового образа жизни. Вера в любом реальном значении этого слова быстро улетучивалась из сознания всех классов общества, а вместе с ней умирал и единственный луч света, освещавший жизнь рабочих, в то время как интеллектуалы заявили, что их вполне устраивает «Логика» Милля и Закон о бедных.

Итак, для миллионов человеческих сердец учение Маркса о земном социалистическом рае означало новый луч света и новый смысл жизни. Называйте марксизм, если угодно, подделкой под религию или карикатурой на нее, на этот счет многое можно сказать, но нельзя не восхититься его величием. Неважно что почти все эти миллионы были не в состоянии понять и оценить учение в его истинном значении. Такова судьба всех учений. Важно то, что учение было создано и изложено в соответствии с позитивистским мышлением своего времени — несомненно буржуазным по своей сути, и потому не будет парадоксом, если мы скажем, что по существу марксизм — продукт буржуазного образа мышления. Он, с одной стороны, с непревзойденной силой выразил страстные чувства всех тех, кому не повезло и плохо жилось, что было целительным для многих неудачников, а с другой стороны, провозгласил, что избавление от этих болезней с помощью социализма вполне поддается рациональному обоснованию.

Заметьте, с каким чрезвычайным искусством здесь удалось соединить иррациональные чаяния страждущих, которые, лишившись религии, бродили во тьме подобно бездомным собакам, с неизбежными для того времени рационалистическими и материалистическими тенден-

циями, сторонники которых не признали бы ни одного утверждения, не подкрепленного научным или псевдонаучным доказательством. Проповедь одной лишь цели не дала бы эффекта, анализ социального процесса был бы интересен всего лишь для нескольких сотен специалистов. Но проповедь в одежде научного анализа и анализ в интересах достижения выстраданных целей – вот что обеспечило страстную приверженность марксизму, вооружило марксиста вышшим преимуществом – убежденностью, что он и его доктрина никогда не потерпят поражения и в конце концов обязательно победят.

Конечно, этим смысл учения не исчерпывается. Личное влияние и пророческие прозрения действуют независимо от содержания учения. Без этого невозможно призвать ни к новому образу жизни, ни к новому ее смыслу. Но не это нас здесь интересует.

* * *

Несколько слов следует сказать о другом – об убедительности и корректности попыток Маркса доказать неизбежность достижения социалистической цели. Одно замечание, однако, следует сделать по поводу того, что выше мы определили как отражение чаяний многих неудачников. Конечно, это не было подлинным отражением их истинных стремлений, сознательных или подсознательных. Скорее, мы могли бы назвать это попыткой подменить истинные чувства правильным или неправильным изложением логики социальной эволюции.

Осуществляя это и приписывая, вопреки истине, народным массам свое собственное «классовое сознание», Маркс, несомненно, фальсифицировал подлинную психологию рабочего (который стремится стать мелким буржуа, опираясь на помощь политической силы); но по мере того, как его учение приобретало влияние, он расширял и облагораживал его.

Он не проливал сентиментальных слез по поводу красоты социалистической идеи. В этом, как он считал, заключалось его превосходство над тем, что именовалось им «утопическим социализмом». Не занимался он и прославлением героизма трудящихся, как это делают буржуа, когда они дрожат за свои дивиденды. Он был абсолютно свободен от склонности пресмыкаться перед рабочим классом, свойственной некоторым его более слабым последователям.

По-видимому, он достаточно ясно осознавал, что такое народные массы, и глядел гораздо выше их голов в направлении достижения социальных целей, даже если это было не то, о чем они думали и мечтали.

Кроме того, он никогда не проповедовал собственных идеалов. Подобное тщеславие было ему чуждо. Как всякий истинный пророк изображает себя простым глашатаем своего бога, так Маркс претендовал всего лишь на то, чтобы рассказать о логике диалектического процесса исторического развития. Во всем этом есть некое благородство, перекрывающее в ряде случаев мелочность и вульгарность, с которыми на протяжении его жизни и деятельности это благородство вступало в столь странный союз.

Наконец, еще один момент, о котором нельзя не упомянуть. Сам Маркс был слишком образованным человеком, чтобы солидаризироваться с теми вульгарными социалистами, которые не способны узнать храма, даже когда он высится перед ними. Он отчетливо понимал значение цивилизации и «относительно абсолютную» ценность ее ценностей, как бы чужда она ни была для него самого.

В этом отношении нет лучшего доказательства широты его мышления, чем «Коммунистический манифест», который представляет собой, хотя и краткий, отчет о блестящих достижениях капитализма. Даже вынося капитализму в будущем смертный приговор, Маркс не упускает случая признать его историческую необходимость. Подобное отношение, конечно, подразумевает многое такое, чего лично Маркс не желал бы признавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.